

Материалы к выступлению Александра Скидана

на встрече «Политическая утопия и радикализм в еврейской культуре»

(22/11/09, Улица ОГИ, проект «Эшколот»)

***

Кафка («Дневники»):

Мессия придет только тогда, когда необходимости в нем уже не будет; он придет в день после пришествия – не в последний день, а в самый последний.

***

ДЕРРИДА («Призраки Маркса»):

Говоря это, мы вовсе не имеем в виду, что эта мессианская эсхатология, общая для марксистской критики и для критикуемых ею религий, должна быть просто-напросто деконструирована. Если мессианская эсхатология [о различии мессианского времени и эсхатологического у Агамбена] является для них общей – за вычетом различия в содержании (хотя, само собой разумеется, такое ерoкhe содержания не могут принять ни религия, ни марксистская критика, тогда как мы считаем, что оно принципиально для раскрытия мессианского как такового – как мысли о другом и о грядущем событии), то это возможно как раз потому, что ее формальная структура обещания превосходит их или предшествует им. Итак, то, что аналогичным образом остается несводимым ни к какой деконструкции, то, что остается столь же недеконструируемым, как и сама возможность деконструкции, возможно, как раз и представляет некоторый опыт обещания освобождения; возможно, это и есть сама форма структурного мессианизма – мессианизма без религии, и более того, мессианского без мессианизма; это идея справедливости, которую мы всегда отличаем от права и даже от прав человека, и идея демократии, которую мы отличаем от ее современного понимания и от ее характеристик, обусловленных сегодняшним днем... Возможно, это и есть то, над чем следует сейчас поразмыслить, мысля по-новому, чтобы спросить себя, куда идет, т.е. спросить также – куда привести марксизм; куда его привести в ходе его интерпретации, невозможной без его трансформации, а не куда он может нас завести в том виде, как он есть или был (С. 89—90).

С этой точки зрения, сила воздействия, присущая демократическому обещанию, равно как и обещанию коммунистическому, будет всегда связана с этим абсолютно неопределенным мессианским упованием, которое они непременно несут в себе, неопределенным в самой своей сути, с этим эсхатологическим отношением к наступлению некоего события и некоей уникальности – инаковости, которую невозможно предвосхитить. Ожидание без горизонта ожидания, ожидание того, чего мы еще или уже не ожидаем, безграничное гостеприимство, «добро пожаловать», заранее обращенное к *прибывающему*, появление которого для нас абсолютно непредсказуемо, от которого не требуется ничего взамен, которому не нужно вести себя согласно правилам принимающей стороны (семьи, государства, нации, территории, почвы или крови, языка, культуры вообще, даже самого человечества); справедливая открытость, отказывающаяся от всякого права на собственность, от всякого права вообще; мессианская открытость тому, что грядет, т.е. событию, какого мы не можем ожидать как *таковое*, а, следовательно, заранее распознавать – открытость событию как открытость чужаку, тому или той, для кого следует всегда оставлять пустое место, помня об обещании – это и есть место призрачности. Однако подобное безграничное гостеприимство является условием события, а значит, и истории... и можно было бы без труда – как нечто очевидное – продемонстрировать, что оно и есть само невозможное, и

что это *условие возможности* события есть также и *условие его невозможности*, как это имеет место в странном понятии мессианизма без содержания, мессианского без мессианизма... Но было бы столь же несложно показать, что, не будь этого опыта невозможного, следовало бы вовсе отказаться от справедливости и от события. Это было бы справедливее и честнее всего. (с. 97)

Но ведь если это [критиковать, взывать к нескончаемой самокритике] и есть дух марксизма, от которого я никогда не буду готов отказаться, то это не только критическая идея или вопрошающая поза... Скорее, это определенное освободительное и *мессианское* утверждение, известный опыт обетования, которое можно попытаться избавить от всякой догматики и даже от всякой метафизически-религиозной обусловленности, от всякого *мессианизма*. И притом обетование должно обещать, что оно будет сдержано, т.е. не будет оставаться «духовным» или «абстрактным», но произведет события, новые формы действия, практики, организации и т.д. Порвать с «партией как формой» или же с той или иной формой государства или Интернационала не означает отказаться от всякой формы практической или эффективной организации. Для нас здесь важно как раз противоположное. (131)

Будучи открытым, ожидая события *как* справедливости, это гостеприимство будет абсолютным лишь в том случае, если оно не забудет о собственной универсальности. Мессианское, включая его революционные формы (а мессианское всегда революционно, оно должно быть таковым) – это безотлагательность, неотвратимость, но – неустранимый парадокс – это одновременно и ожидание без горизонта ожидания. Мы всегда можем попытаться увидеть в почти атеистической сухости мессианского изначальное условие религий Книги – пустыню, которая им даже не принадлежала (но ведь земля всегда дается взаймы, сдается внаем Господом, и тот, кто на ней живет, никогда ею не обладает, говорится в самом Ветхом Завете – наказ, к которому тоже стоило бы прислушаться); мы всегда можем распознать в ней ту бесплодную землю, которая вскормила живые образы всевозможных, прошествовавших по ней, мессий – возвещенных, признанных и тех, которых все еще ждут... Но если бы не было этого отчаяния и если бы можно было *рассчитывать* на грядущее, упование было бы всего-навсего исчислением программы. У нас была бы перспектива, но мы бы уже не ожидали – никого и ничего. Право без справедливости. Мы больше не приглашали бы – ни тело, ни душу, мы больше бы не принимали посетителей, мы даже не хотели бы что-либо увидеть. Увидеть, как нечто настаёт. Возможно, некоторые, включая меня, считают, что в этом «мессианизме» отчаяния присутствует некий своеобразный привкус, возможно, некое любопытство к смерти. Но ведь этот привкус – это, прежде всего, некое предвкушение, и по своей сути оно любопытно. Его занимает то самое, что оно же и заклинает – то, что оставляет желать лучшего. (с. 236)

Вальтер Беньямин. Тезисы «О понятии истории»

...в представлении о счастье непременно присутствует представление об избавлении. С представлением о прошлом, которое история выбрала своим делом, все обстоит точно так же. Прошлое несет в себе потайной указатель, отсылающий ее к избавлению... А если это так, то между нашим поколением и поколениями прошлого существует тайный уговор. Значит, нашего появления на земле ожидали. Значит нам, так же, как и всякому предшествующему роду, сообщена с л а б а я мессианская сила, на которую притязает прошлое. Просто так от притязания не отмахнуться. Исторический материалист об этом знает.

Как известно, иудеям было запрещено испытывать будущее. Зато Тора и Молитвенник наставляли их в воспоминании. Благодаря этому для них было расколдовано будущее, под чары которого попадают те, кто прибегает к помощи прорицателей. Однако поэтому будущее не было для иудеев гомогенным и пустым временем. Потому что в нем каждая секунда была маленькой калиткой, в которую мог войти Мессия (фр. В)